

II. История идей

Шохей Сайто

Николай Трубецкой и его этнографическое видение национальных меньшинств в Российской империи и за ее пределами (1905–1913 гг.)*

Введение

В своей книге *Европа и человечество* (1920) Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), известный лингвист и основатель евразийства, настаивал на том, что у так называемых «дикарей» (по европейским меркам) жизненные уклады порой были выстроены сложнее, чем у европейцев. В качестве примера Трубецкой приводил татуировки у австралийских и полинезийских племен и прически у африканцев. Эти идеи он начал развивать примерно за 10 лет до публикации своей книги, когда еще был студентом Московского государственного университета с 1908 по 1913 год¹.

Современные исследователи считают вклад российских ученых позднего имперского периода в развитие теории евразийства очень важным. Вера Тольц показала, как дореволюционное российское либеральное научное сообщество повлияло на евразийцев, в частности своей критикой евроцентризма. Помимо этого, в междисциплинарных группах того времени в Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, во главе которых стояли такие ученые как Н.П. Кондаков, Н.Я. Марр, В.В. Бартольд и другие, были популярны идеи отрицания/отказа от разграничивания или деления на категории Европы/Запада и Азии/Востока². Сергей Глебов пошел в своих размышлениях на эту тему дальше и указал на связь евразийства с трудами М.М. Ковалевского. В частности, Глебов полагает,

* Данная статья написана на основе доклада, который я прочитал на семинаре «Азия глазами евразийцев: прошлое и настоящее», 20 декабря 2016, русистика / востоковедение, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана. Я хотел бы поблагодарить всех участников семинара.

¹ Трубецкой Н.С. *Европа и человечество* // Николай Сергеевич Трубецкой. Избранное. М., 2010 (Здесь и далее «Избранное»). С. 45.

² Tolz V. *The Eurasians and Liberal Scholarship of the Late Imperial Period: Continuity and Change across the 1917 Divide* // *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism* / Ed. Bassin M., Glebov S., Laruelle M. Pittsburgh, 2015. P. 27-47.

что труд *Европа и человечество* является реакцией на теорию эволюционизма Ковалевского. Он считает, что, по утверждениям Трубецкого, идеи этой книги зародились в дореволюционный период, и отмечает, что Трубецкой написал две статьи о Кавказе (одну в 1908, а другую в 1911 году) под руководством Всеволода Миллера, одного из своих учителей³.

В данной работе анализируются статьи, написанные Трубецким в период с 1905 по 1913 год, с тем чтобы изучить влияние Всеволода Федоровича Миллера и Стефана Кировича Кузнецова (еще одного из наставников Трубецкого) на концепцию Трубецкого. В работе также была сделана попытка охарактеризовать и понять суть небольшой группы интеллектуалов, ОЛЕАЭ (аббревиатура, полное название группы – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии), к которой принадлежал Трубецкой в Московском университете. Роль группы ОЛЕАЭ в российском обществе отличалась от роли Санкт-Петербургской академии наук. Членами общества могли стать как ученые, так и любители, в то время как Императорская академия была открыта только для избранных ученых. Трубецкого занимал, однако, не только Кавказ, но и вся Евразия. Также и другие члены ОЛЕАЭ интересовались этническими группами за пределами Российской империи.

Данная статья дает вначале обзор трудов Трубецкого о Евразии и рассматривает его ключевые этнографические идеи. Во второй части рассматриваются тексты, опубликованные им в основном в журнале ОЛЕАЭ – *Этнографическом обозрении*. Последняя часть статьи посвящена спорным вопросам в ОЛЕАЭ и в исследованиях наставников Трубецкого. Здесь рассматриваются также идеи, которые оказали влияние на мышление Трубецкого.

Обзор взглядов Трубецкого на евразийство в 1920-е годы

Деятельность и труды Трубецкого двадцатых годов прошлого века говорят о том, что он верил в антропологическое, лингвистическое и географическое родство различных этнических групп, проживающих на территории Евразии. Упор, который он делал на негенетические, внешние факторы, связывающие родственно чуждые друг другу группы, повлиял на формирование таких принципов евразийства, как мирное сотрудничество и общинность. В 1923 году в своей работе «Вавилонская башня и смешение языков» Трубецкой написал:

«Кроме [...] генетической группировки, географически соседствующие друг с другом языки часто группируются и независимо от своего происхождения. Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-

³ Glebov S. N.S. Trubetskoi's *Europe and Mankind* and Eurasianist Antievolutionism; One Unknown Source // *Between Europe and Asia*. P. 48-83.

исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием. Для таких групп, основанных не на генетическом принципе, мы предлагаем название языковых союзов. Такие языковые союзы существуют не только между отдельными языками, но и между языковыми семействами, т.е. случается, что несколько семейств, генетически друг с другом не родственных, но распространенных в одной географической и культурно-исторической зоне, целым рядом общих черт объединяются в союз языковых семейств»⁴.

В этой публикации о евразийстве Трубецкой впервые предложил новую теорию «лингвистической конвергенции», согласно которой все языки родственны и подвижны, а также связаны с другими исторически и географически близкими языками.

«Каждый язык распадается на наречия, наречия – на говоры, говоры – на подговоры и т.д. При этом каждый говор, кроме черт, свойственных ему одному, имеет некоторые черты, общие всем говорам того же наречия, и, кроме черт, объединяющих его с одним из соседних говоров, другие черты, общие с другим соседним говором, и т.д. Между соседними наречиями имеются переходные говоры, соединяющие в себе черты того и другого наречия. Таким образом, язык есть непрерывная цепь говоров, постепенно и незаметно переходящих один в другой»⁵.

Трубецкой настаивал на том, что «принимая во внимание обе возможные группировки языков, – генетическую (по семействам) и негенетическую (по союзам), – можно сказать, что все языки земного шара представляют некоторую непрерывную сеть»⁶. Эта уникальная лингвистическая конструкция так же была неотъемлемой частью антропологической теории Трубецкого, что следует из нижеприведенных цитат из *Европы и человечества* (1920):

«Принципиальной разницы тут никакой нет. В самом деле, национальное, этнографически-антропологическое и лингвистическое единство каждого из народов Европы является лишь относительным. Каждый из народов представляет собою соединение разных более мелких этнических групп, имеющих свои диалектические, культурные и антропологические особенности, но связанных друг с другом узами родства и общей истории, создавшей некий общий для всех них запас культурных ценностей»⁷.

В своей работе «Наследие Чингисхана» (1925) Трубецкой рассуждает о существовании «переходных рас» и использует свою лингвистическую концепцию «переходных говоров» применительно к антропологии. Трубецкой рассматривает

⁴ Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Избранное. С. 221-222.

⁵ Трубецкой. Вавилонская башня. С. 219-220.

⁶ Там же. С. 221-222.

⁷ Трубецкой. Европа и человечество. С. 48.

евразийство как расово разнообразную и постоянно изменяющуюся, но одновременно с этим единую сеть связанных между собою рас⁸.

«Население этой части света [Евразия] неоднородно и принадлежит к различным расам. Между русским, с одной стороны, и бурятом или самоедом, с другой, различие очень велико. Но характерно, что между этими крайними точками существует целая непрерывная цепь промежуточных звеньев. В отношении внешнего антропологического типа лица и строения тела нет резкой разницы между великорусом и мордвином или зырянном; но от зырянина и мордвина опять-таки нет резкого перехода к черемису или вотяку; по типу волжско-камские финны (мордва, вотяки, черемисы) близко сходны с волжскими тюрками (чуваши, татарами, мещеряками); татарский тип так же постепенно переходит к типу башкир и киргизов, от которых путем таких же постепенных переходов приходим к типу собственно монголов, калмыков и бурят. Таким образом, вся Евразия в вышеупомянутом смысле этого слова представляет собой географически и антропологически некое единое целое».

Развивая свои лингвистические и антропологические взгляды о Евразии, Трубецкой пришел к выводу, что различные этнические группы в Евразии на самом деле являются антропологически и лингвистически родственной группой, а именно евразийцами. Трубецкой развивает эту мысль в своей статье «Общевразийский национализм» (1927). В этой работе он делает попытку получить всемирное признание и одобрение своих идей:

«Фактически нет (или почти нет) на свете народов вполне единых или однородных; во всяком народе, даже в очень маленьком, всегда существует несколько племенных разновидностей, нередко довольно значительно отличающихся друг от друга по языку, по физическому типу, по характеру, по обычаям и проч. Нет также (или почти нет) на свете народов вполне своеобразных или обособленных: каждый народ всегда входит в какую-нибудь группу народов, с которыми его связывают те или иные общие признаки, а часто один и тот же народ по одному ряду признаков входит в одну, а по другому ряду – в другую группу народов»⁹.

Трубецкой подчеркивает, что общие черты евразийских народов объясняются не общим происхождением, но исторической и географической близостью:

«Ведь по какому-нибудь частному ряду признаков отдельный народ Евразии может входить и в какую-нибудь другую не чисто евразийскую группу народов: так, русские по языковым признакам входят в группу славянских народов; татары, чуваша, черемисы и проч. – в группу так называемых туранских народов; татары, башкиры, сарты и проч. по религиозному признаку входят в группу мусульманских народов... В евразийском же братстве народы связаны друг с другом

⁸ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Избранное. С. 271.

⁹ Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Избранное. С. 457-458.

не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое»¹⁰.

Следовательно, мы видим взаимосвязь между лингвистической философией Трубецкого и его пониманием антропологического и этнографического контекста Евразии. Хотя Трубецкой видел и положительные стороны в федеральной системе устройства Советского Союза, он критиковал советскую политику за недостаток диалога между различными этническими группами и республиками, а главное, за отсутствие признания их сходств и взаимного влияния друг на друга¹¹. Во взглядах Трубецкого на этнографию до эмиграции и в его евразийской идеологии в годы изгнания, когда он наблюдал за Советским Союзом издали, существуют сходства. Данная статья рассматривает три ключевых идеи, которые прослеживаются в его работах: (1) конвергенция/параллельное развитие; (2) промежуточные, транснациональные звенья через посредников; и (3) многонаправленные влияния. Но вначале рассмотрим этнографические исследования Трубецкого, с упором на эти основополагающие понятия.

Статьи Трубецкого в *Этнографическом обозрении*, 1905–1913 гг.

1. Финская народная песнь Kulto Neito: обычаи инородцев (Финская песнь Kulto Neito как переживание языческого обычая, 1905).

В своей статье Трубецкой показывает, что следы древних языческих похоронных обрядов, принятых у финно-угорских народов, описаны в западно-финской народной песне Kulto Neito (что в переводе с финского означает «Золотая невеста»), описывающей похороны и поминки усопших. Песнь встречается в народном эпосе «Калевала», национальной гордости Финляндии¹², повествующем о герое по имени Илмаринен, который от горя после смерти своей жены выковал себе невесту из золота и серебра¹³.

Трубецкой обратил внимание на то, что финские народные обряды, описанные в Kulto Neito, были похожи на традиции сибирских меньшинств, таких как остя-

¹⁰ Там же. С. 459.

¹¹ Трубецкой. Общевразийский национализм. С. 457-458.

¹² Поэма XIX века создана на основе устных народных преданий и мифов карельского и финского народов, собранных Элиасом Лёнроттом. «Калевала» – это карело-финский эпос, один из важнейших памятников финской литературы. «Калевала» сыграла ключевую роль в процессе формирования национальной финской идентичности и в борьбе Финляндии за языковую независимость, помогла развитию национального чувства финнов, что привело к отделению Финляндии от России в 1917 году. За более подробной информацией о «Калевале» см. также Ишино Ёуко. The Emergence and the Development of “The Great Finland” Thoughts (In Japanese). Iwanami Publisher, 2012. P. 223-228.

¹³ Ishino. The Emergence. P. 223-228.

ки и самоеды (которые сейчас называются хантами и ненцами, соответственно; хотя эти две народности, как и сибирские финны, относятся к уральской языковой семье, сибирские финны живут значительно западнее)¹⁴. Он ставил целью показать, что у разных уральских народностей были общие привычки и орудия труда. Однако в то время в Финляндии предпринимались попытки доказать западное происхождение финнов. Финские националисты настаивали, что культурные обычаи восточных финнов, описанные в «Калевале», пришли из Эстонии и со временем распространились на территорию Сибири¹⁵. «Калевала» активно эксплуатировалась националистами в Финляндии, которая в те годы как раз стремилась обрести независимость от Российской империи.

С другой стороны, согласно Трубецкому, финские этнические обычаи, описанные в *Kulto Neito*, передались от сибирских финнов годами ранее¹⁶. Если эта гипотеза верна, то восточные и западные финны имеют общую культуру.

2. К вопросу о Золотой Бабе, 1906.

В своей автобиографии Трубецкой размышляет о статье, которую он написал о Золотой Бабе. В этой статье он стремился доказать, что следы церемоний, в которых почитается данное божество, которую сибирские язычники называли «золотой бабой», можно найти в религиозных обрядах вогулов (ныне известных как мансы), остяков и вотяков (которых сейчас называют удмуртами)¹⁷. Символизм этого идола он трактовал следующим образом:

«Это – один из широко-распространенных у разных народов типов богини покровительницы человеческого рода, заведующей его размножением и судьбою отдельных людей и покровительствующей главным занятиям того народа, который поклоняется ей»¹⁸.

Используя такой вид почитания богини, Трубецкой стремился привести пример культурной диффузии¹⁹. Здесь мы видим две идеи Трубецкого. Во-первых, между генетически близкими народностями существует конвергенция культур. Во-вторых, определенное племя обеспечивало культурную трансмиссию через разные группы предков.

Что касается первой идеи, статья Трубецкого показывает, что вотяки и вогулы, принадлежащие к финно-угорской группе, имеют общие культурные черты, вследствие общения этих групп друг с другом. Поклонение «золотой бабе» у вотяков основано на схожих верованиях среди вогулов.

¹⁴ Трубецкой Н.С. Финская песнь *Kulto neito* как переживание языческого обычая // Этнографическое обозрение. 1905. № 2-3. С. 231-233.

¹⁵ Ishino. *The Emergence*. P. 71-73.

¹⁶ Трубецкой. Финская песнь *Kulto neito* как переживание языческого обычая. С. 231-233.

¹⁷ Автобиография Трубецкого в *Trubetzkoy N.S. The Principle of Phonology (Japanese translation)*. Iwanami Publisher, 1980. P. 326.

¹⁸ Трубецкой Н.С. К вопросу о Золотой Бабе // Этнографическое обозрение. 1906. № 1-2. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 52-62.

Относительно второй идеи Трубецкой указывает на то, что этнические русские и вотяки имеют общие черты, объясняющиеся культурным контактом, при этом в этой культурной трансмиссии черемисы (нынешние марийцы) и татары выступили в роли культурных проводников между ними. Трубецкой упоминает одну из ролей богини, а именно покровительство сельского хозяйства: в русских народных и вотяцких сказаниях, также среди других народов, богиня ходит по полям и защищает их. Трубецкой не стремился показать, как нерусские народы повлияли на русских, но скорее пытается объяснить, что определенные этнические группы (к примеру, черемисы и татары) подействовали культурной трансмиссии между генетически не родственными группами. Стоит также отметить, что Трубецкой в завершение своей статьи упомянул, что получил поддержку профессора Кузнецова²⁰.

В своих статьях Трубецкой показывает, что культурные влияния распространялись концентрически, и что никакое общество не стоит выше другого. Таким образом, по мнению Трубецкого, культурная диффузия происходит не сверху вниз, а распространяется по кругу. Эта идея выражена в его статьях, посвященных евразийской тематике, таких как «Вавилонская башня и смешение языков» (1923) и «Наследие Чингисхана» (1925)²¹. Его воззрения на лингвистику и этнологию были в полной гармонии друг с другом и последнее опиралось на первое. Такую точку зрения он высказывает и в своих статьях о Кавказе.

3. Фригийская мифология о «каменном происхождении» Кибелы, аналога Золотой богини на Кавказе (Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня [земли], 1908).

Благодаря сравнению Анатолии со странами Кавказа очевидно, что этнические группы региона имеют не только схожие географические и расовые черты, но также и общие религиозные и духовные особенности.

«Новые открытия, сделанные в области исторической этнографии Малой Азии, должны послужить стимулом для сравнения малоазиатской культуры с кавказской. При этом не маловажное значение должно получить сравнительное изучение древне-малоазиатского и современно-кавказского фольклора, могущее несомненно пролить свет на религию и духовную культуру этих географически и этнически близких между собою этнических групп»²².

Трубецкой уделяет особенное внимание богине Кибеле, которой поклонялись все народы Анатолии, включая фригийцев²³. Трубецкой отмечает, что Кибелу чтили как фригийцы (которые были индоевропейцами по языковой принадлеж-

²⁰ Трубецкой. К вопросу о Золотой Бабе. С. 62.

²¹ Трубецкой. Вавилонская башня. С. 221-222; Трубецкой. Наследие Чингисхана. С. 271.

²² Трубецкой Н.С. Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (земли) // Этнографическое обозрение. 1908. № 3. С. 88.

²³ Roller L. In Search of God the Mother. Berkeley, 1999.

ности), так и кавказские народности, которые подверглись влиянию тюркских племен:

«В настоящей заметке я хочу указать на кавказские параллели к фригийскому мифу о происхождении двуполого существа Агдистиса. Миф этот входит в цикл мифов о Кибеле. Хотя он констатирован лишь у фригийцев, считающихся народом индоевропейского происхождения, но, принимая во внимание, что культ Кибелы был распространен по всей Малой Азии, можно предположить, что рассматриваемый нами миф существовал и у тех малоазиатских народов, которые, по мнению новейших ученых, принадлежали к кавказскому племени»²⁴.

Хотя в целом принято считать, что культ поклонения Кибеле в Анатолии повлиял на греческую и римскую культуры, Трубецкой утверждал, что божество впервые стали почитать на Кавказе²⁵. Иными словами, Трубецкой попытался опровергнуть однонаправленность культурных воздействий.

Согласно анализу Трубецкого, легенды о Кибеле и поклонение ей были связаны с обожествлением камня. Такая практика также распространена и у ингушей. Трубецкой сравнил исторические материалы (литературные произведения и другие документы) фригийцев и ингушей и пришел к выводу, что «каменное происхождение» Кибелы было известно жителям Кавказа и что некоторые части мифов о камнепреклонении совпадают с верованиями фригийцев²⁶. Трубецкой сделал открытие, что легенда с такой же структурой, как у фригийской версии, существовала в Ингушетии. Единственное отличие в том, что «богиня» по фригийской версии в сказаниях ингушей предстает «девой».

Трубецкой обратил внимание на то, что влияние мифов этнических меньшинств на другие культуры возможно, что они могут быть моделями для подражания, и подвергал критике склонность этнографов, литераторов и историков всегда выделять влияние так называемых «великих» этнических групп.

4. Редедя²⁷ на Кавказе, 1911

В другой статье Трубецкой обсуждает песнь о легендарном предводителе черкесов. Он отвергает идею о том, что этнические русские оказали влияние на соседствующие группы в одном направлении, и настаивает, что произошел процесс культурной трансмиссии в обратном направлении или же путем многонаправленных влияний²⁸.

Трубецкой демонстрирует, как этнические русские «позаимствовали» верования из черкесской традиции, в особенности из черкесского языка:

«Это сопоставление делает для нас несомненным тот факт, что эти русские и черкесские припевы имеют друг с другом самую тесную связь. Не являясь по-

²⁴ Трубецкой. Кавказские параллели. С. 88.

²⁵ Там же. С. 88-89.

²⁶ Там же. С. 90-91.

²⁷ Легендарный предводитель племен Северного Кавказа.

²⁸ Трубецкой Н.С. Редедя на Кавказе // Этнографическое обозрение. 1911. № 1-2. С. 229-238.

борниками теорий "случайного совпадения", мы (Трубецкой и другие ученые) уверены, что такое разительное сходство может быть объяснено не иначе, как заимствованием. Если при этом принять во внимание, что из русского языка рассматриваемые припевы объяснены быть не могут, а из черкесского объясняются вполне свободно, – то для нас станет необходимым признать, что заимствовали русские у черкесов, а не наоборот»²⁹.

Более того, обращая внимания на тесную связь черкесов и казаков, Трубецкой предположил, что казаки явились своего рода посредниками и передатчиками песни³⁰.

Таким же образом Трубецкой сравнивал русские и алтайские письменные версии одной и той же народной песни и показывал, что русские заимствовали из алтайского языка. Он объяснил, что звук того или иного алтайского слова в песне ближе по звучанию к черкесскому, нежели русскому эквиваленту данного слова. Он полагал, что алтайские и русские варианты произошли от черкесского слова, и что различные тюркские народы передали эти термины алтайскому языку. Алтайское слово «ойрыдь» и русское «уредеди» произошли от черкесского «уредед». Слова впервые появились в черкесской культуре, как и сами легенды, и отсюда распространились из черкесского в русский и алтайский языки по горизонтали³¹. С помощью этимологии Трубецкой изучал возникновение и пути распространения народных песен и легенд. В своем обзоре народных песен Кавказа он призывал к междисциплинарному сотрудничеству³².

Трубецкой изучал традиции финно-угорских (западных и северных), урало-алтайских (восточных) и кавказских (южных) народов. Изучая различные этничности в северной, южной, восточной и западной частях Российской империи, Трубецкой стремился показать их культурную взаимосвязь, в частности указывая на многонаправленность их взаимоотношений и случаи культурной трансмиссии между ними. Все это легло в основу его убеждений о том, что составляющие части этнической «Евразии» естественным образом взаимосвязаны между собой.

²⁹ Трубецкой. Редедя на Кавказе. С. 235-236.

³⁰ Там же. С. 236.

³¹ В 90-е годы двадцатого века американские ученые тоже заговорили о том, что казаки могли быть культурными посредниками. К примеру, Томас М. Баррет (сейчас доцент истории в Колледже Св. Мэри в Мериленде, США) назвал свою работу: «На границе империи: терские казаки и северокавказский рубеж, 1700-1860» (докторская диссертация, университет Джорджтауна, 1997).

³² Трубецкой Н.С. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа // Этнографическое обозрение. 1908. № 3. С. 146-150.

Трубецкой и влияние его окружения: ОЛЕАЭ, С.К. Кузнецов и В.С. Миллер

1. ОЛЕАЭ, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
Трубецкой был членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ)³³. С 1905 по 1913 год его статьи печатались в *Этнографическом обозрении*, главном издании этого сообщества, первом научном этнографическом журнале в России³⁴. ОЛЕАЭ было открытой научной организацией в Российской империи, а также в ее государствах-преемниках с 1863 по 1931 год. В общество могли вступать не только ученые и профессора, но все интересующиеся естествознанием, антропологией и этнографией. ОЛЕАЭ впервые возникло при Московском государственном университете в 1863 году под названием «Общество естествознания». Отделение антропологии возникло в 1864 году усилиями Анатолия Петровича Богданова, который преподавал зоологию и антропологию. В 1871 году общество изменило название на «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии».

Группа, в первую очередь, стремилась сделать свои исследования доступными для широкой аудитории, в этом ее цели отличались от задач Императорской академии наук в Санкт-Петербурге³⁵. В ОЛЕАЭ занимались организацией научных экспедиций с последующими выставками находок, вели широкую просветительскую работу³⁶. Кроме этого в ОЛЕАЭ работали волонтеры³⁷, общество было местом, где ученые и люди без специального образования могли общаться и обмениваться идеями. Члены этой группы держались в стороне от правительства и политики того времени.

Российский университетский устав 1863 года, одобренный императором Александром II, расширил автономию университетов, позволив им создавать собственные академические общества, хотя правительство по-прежнему могло контролировать работу высших учебных заведений. Согласно новому уставу, ОЛЕАЭ посвятило себя патриотической миссии создания «русской науки» и подготовки русских ученых³⁸. Возможно, именно благодаря автономии ОЛЕАЭ пятнадцатилетний Трубецкой начал заниматься изучением этнологии.

³³ Трубецкой посещал встречи ОЛЕАЭ с 1903 года. Автобиография Трубецкого. С. 326; Чижевский Д. Князь Николай Сергеевич Трубецкой // Современные записки. 1939. № 68. С. 464.

³⁴ Токарев С.А. История русской этнографии: дооктябрьский период. М., 1966. С. 402.

³⁵ Токарев. История русской этнографии. С. 284.

³⁶ Керимова М.М. Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и судьба его архива. Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 137.

³⁷ Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge, 2009. P. 15-16, 130-131, 168.

³⁸ При этом на факультете востоковедения Санкт-Петербургского университета, напротив, усиливалось западное влияние и укрепился авторитет немецких ученых (Schimmelpenninck van der Oye. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New

2. Тематика дискуссий в *Этнографическом обозрении* с 1905 по 1913 годы

Хотя журнал издавался усилиями «любителей этнографии» (то есть людей без специального образования), в нем печатались статьи многих выдающихся ученых, книжные указатели и обзоры. Журнал выходил ежеквартально. Раздел, посвященный книжным обзорам, назывался «Критика»; в нем читателей знакомили с исследованиями о коренных народах Америки, Африки и Азии. Эти дискуссии вызывали большой интерес у Трубецкого, особенно его занимали австралийские аборигены и анатолийские племена. В журнале также иногда обсуждались исследования научных деятелей Западной Европы и Российской Академии наук. К примеру, в отчете об одной из встреч ОЛЕАЭ говорилось, что общество провело исследования в Туркестане, Сибири, на севере России и на Черном море. В это время русские этнологи и этнографы не имели возможности изучать эти регионы и не так много знали о них³⁹.

Хотя интерес к национальным меньшинствам значительно возрос, особенно после событий 1905 года, в самых разных сферах (например, в вопросах религии)⁴⁰, определенные статьи в *Этнографическом обозрении* были посвящены трем основным концепциям (ранее упомянутым), которые встречаются в трудах Трубецкого. Обобщая, можно сказать, что дискуссии в журнале ставили целью определить не только различия между разными этническими группами, но также найти сходства и тесные связи между ними. Это удалось сделать путем сравнения различных точек зрения и в особенности благодаря изучению многонаправленных влияний.

Изучая племена, проживающие в европейской и азиатской частях Российской империи, авторы статей *Этнографического обозрения*, как правило, внимательно изучали тесные связи, существующие между славянами и инородцами⁴¹, и находили сходства между ними, принимая во внимание все этнические группы, проживающие на территории России. Хотя большинство статей, опубликованных в журнале (за исключением книжных рецензий), были посвящены исследованию народов Российской империи, встречались и работы о других этнических груп-

Haven; L., 2011. P. 186). Более того, Токарев (История русской этнографии. С. 215-216) высказывал мнение, что между русскими и немецкими этнографами был конфликт.

³⁹ Керимова. Императорское Общество любителей естествознания. С. 138.

⁴⁰ См. Burbank J. *Intelligentsia and Revolution: Russian View of Bolshevism 1917-1922*. N.Y., 1986. P. 9; Tolz V. *Собственный Восток России: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*. Oxford, 2011; Mogilner M. *Russian Physical Anthropology of the Nineteenth-Early Twentieth Centuries: Imperial Race, Colonial Other, Degenerate Types, and the Russian Racial Body // Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire / Ed. Gerasimov I., Kusber J., Semyonov A. Boston, 2009. P. 155-189; Werth P. Imperiology and Religion: Some Thoughts on a Research Agenda // Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire / Ed. Kimitaka M. Sapporo, 2007. P. 57.*

⁴¹ Харузина В. Материалы для библиографии этнографической литературы // *Этнографическое обозрение*. 1906. № 1-2. С. 145-147.

пах за ее пределами⁴². Дело в том, что среди составителей журнала бытовало мнение, что различные группы древних народностей были связаны друг с другом с самых ранних времен истории⁴³.

Поскольку авторов журнала занимали вопросы культурных взаимодействий различных этносов, статьи в нем посвящались иранским, тюркским и монгольским влияниям на кавказские группы. Развивая эту идею на примере языков, кавказские наречия были представлены как не принадлежащие ни к арийским, ни к семитским. Общепринятой тогда считалась точка зрения, что они подверглись влиянию индоевропейских, семитских и арийских языков, однако в *Этнографическом обозрении* было высказано мнение, что на них также повлияли многочисленные другие языки⁴⁴. Помимо этого, журнал призывал к дальнейшему изучению тюркских народностей⁴⁵.

Некоторые исследования, занимающиеся евразийством, посвящены дарвинизму и антиевроцентризму в дореволюционном российском научном сообществе как одной из основ евразийства⁴⁶. Все эти темы волновали авторов журнала *Этнографическое обозрение*, поскольку их широкий круг интересов охватывал разные народы мира и часто был связан с критикой империализма и колониализма. Например, журнал опубликовал критические статьи, посвященные этой тематике, а также специальный номер, посвященный работам антрополога сэра Эдварда Бёрнетта Тайлора⁴⁷. В журнале публиковались статьи, посвященные групповым бракам, критикующие скептицизм европейцев по отношению ко всем другим не-европейцам (особенной критике подвергалась евроцентристская идея «ступеней развития»), в особенности учитывая евроцентристские взгляды Тайлора.

В целом *Этнографическое обозрение*, невзирая на публикуемые в нем статьи и книжные рецензии, призывало осторожно применять европейские стандарты восприятия к не-европейским племенам. Например, в рецензии на немецкое научное исследование, посвященное коренным жителям Америки, говорится, что

⁴² В 1905 году, когда была опубликована первая статья Трубецкого, вышло также и много статей об африканских и тюркских народах. К примеру, появились статьи о социальной жизни тюркских женщин. Гордлевский В. Prinzessin hairié ben Aid, Die türkische Frau, ihr soziales Leben und der Harem // *Этнографическое обозрение*. 1905. № 2-3. С. 257.

⁴³ Харузина В. Историческое развитие этнографии // *Этнографическое обозрение*. 1907. № 3. С. 54-68.

⁴⁴ Бартольд В.В. К вопросу о происхождении китайцев // *Этнографическое обозрение*. 1910. № 1-2. С. 37-45.

⁴⁵ Васильева В.Н. Краткий очерк быта карагасов // *Этнографическое обозрение*. 1910. № 1-2. С. 76.

⁴⁶ См. Glebov. N.S. Trubetskoï's Europe and Mankind and Eurasianist Antievolutionism; Vucinich A. Darwin in Russian Thought. Berkeley, 1988. P. 146-148; idem. Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a General Science of Society, 1861-1917. Chicago, L., 1976. P. 90, 384.

⁴⁷ Godard J.G. Racial Supremacy: Being Studies in Imperialism // *Этнографическое обозрение*. 1905. № 2-3. С. 292; Максимов А. Anthropological Essays presented to Edward Burnett Tylor in honour of his 75th Birthday // *Этнографическое обозрение*. 1907. № 4. С. 133-134; Сумцов Н.Ф. Влияние Дарвина на развитие лингвистики и этнографии // *Этнографическое обозрение*. 1909. № 1. С. 40-44.

теория «ступеней развития человека» вовсе необязательно подходит для классификации древних народов Америки. Взамен в журнале предлагалось создать более подходящую ось сравнения, например, сопоставлять культуру американских индейцев с австралийскими аборигенами⁴⁸.

В это время вырос интерес к брачным системам «дикарей». Например, в журнале печатались статьи ученых, изучающих полиандрию в Африке⁴⁹. Опубликованная в 1908 году статья под названием «Групповой брак» критикует теорию социальной эволюции, согласно которой европейская культура стоит на более высокой ступени развития по сравнению с любым другим обществом. Статья критикует антрополога Л.Г. Моргана (1818–1881) и его сторонников⁵⁰. В статье утверждается, что групповой брак среди коренных африканских и австралийских племен нельзя объяснить моргановскими европейскими нормами, и правильнее было бы рассматривать их как новые системы, поскольку они развивались независимо и без воздействия европейских убеждений⁵¹. В заключении статьи говорится, что групповой брак не был остатком индивидуального брака, и что полиандрия и полигиния не были формами сексуального промискуитета или распущенности, поскольку имели сложную структуру и организацию⁵². Другими словами, в журнале высказывалась мысль о том, что групповой брак следует рассматривать как нечто, пришедшее из других культур и сформировавшееся самобытным образом, а не как стадию «развития» по европейским понятиям. Более того, журнал призывает сравнивать таким же образом общества других регионов, таких как Северо-Западная Америка, Тибет, Индия.

В.С. Богданов, секретарь и редактор журнала, привел российский пример такого мышления в одной из своих рецензий⁵³. Он настаивал, что финно-угорские дома не были «примитивными», поскольку имели систематизированные, сложные артистические элементы, и что ничего подобного никогда не было в Европе⁵⁴.

В 1911 году в *Этнографическом обозрении* была опубликована анонимная рецензия на статью о сибирских народах, напечатанную Санкт-Петербургской Императорской академией наук, в которой говорилось, что сибирских инородцев не следует называть «отсталым народом», скорее их следует сравнивать с другими

⁴⁸ Харузина В., Breysig Kurt. Die Entstehung des Gottesgedankens und der Heilsbringer // *Этнографическое обозрение*. 1906. № 1-2. С. 128-132.

⁴⁹ Полиандрия в Африке // *Этнографическое обозрение*. 1907. № 3. С. 69, 111, 127.

⁵⁰ Максимов А. Групповой Брак // *Этнографическое обозрение*. 1908. № 3. С. 1.

⁵¹ Там же. С. 47.

⁵² Там же. С. 48.

⁵³ В.С. Богданов был, вероятно, студентом Московского государственного университета. Он опубликовал множество статей с 1905 по 1913 годы, был секретарем журнала с 1909 года. См. *Этнографическое обозрение*. 1909. № 1. В 1941 г. он опубликовал биографию Дмитрия Николаевича Анучина. См. Esakov V. Anuchin, Dmitrii Nikolaevich // *Dictionary of Scientific Biography*. Volume 1. N.Y., 1970. P. 175.

⁵⁴ Богданов В., Sirelius U.T. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker // *Этнографическое обозрение*. 1911. № 1-2. С. 262.

нерусскими племенами, проживающими на европейской территории России, а также с этническими русскими. В рецензии резкой критике подверглись исследования, посвященные сибирским народам. Автор назвал их «узколобыми», поскольку они занимались лишь сбором информации о той или иной этнической группе, и сетовал на то, что все исследования, посвященные Сибири, традиционно имели эти недостатки⁵⁵. В другой рецензии, написанной Трубецким на статью финского ученого Мансикка о финно-угорских народах, Трубецкой также критикует и российских исследователей за то, что они склонны избегать темы близких культурных взаимосвязей между этническими русскими и финно-уграми⁵⁶.

Хотя северные финны и этнические русские тесно контактировали друг с другом и оказывали друг на друга влияние в разные периоды истории, когда они говорили на общем славянском языке, этот аргумент эксплуатировался для русификации финских народов с целью подавления финского национализма и сепаратизма, поскольку такие настроения возросли в поздний имперский период⁵⁷.

Важно отметить, что ученые того времени выбирали научные журналы для публикации своих работ в зависимости от направленности их исследований и, помимо прочего, руководствовались политическими соображениями. *Этнографическое обозрение* публиковало же идеи членов ОЛЕАЭ в соответствии с их настоящими научными интересами, без оглядки на государственную политику. И действительно, порой ученые были одновременно членами как ОЛЕАЭ, так и отделения этнографии Императорского русского географического общества (где работа велась в соответствии с национальной государственной политикой); таким был, например, Всеволод Федорович Миллер⁵⁸.

Сергей Глебов отмечал, что, критикуя европейское понимание «дикарей», Трубецкой в своей книге *Европа и человечество* описывает групповые браки у австралийских аборигенов как нечто более сложное и тщательно продуманное по сравнению с европейской брачной системой⁵⁹. В этом явно прослеживается влияние ОЛЕАЭ на Трубецкого.

3. Стефан Кирович Кузнецов (1854–1913)

В данной статье предпринята попытка изучить, какое влияние на Трубецкого оказали его наставники. Ранее исследователи предполагали, что на научные интересы и сферу исследований Трубецкого повлияли С.К. Кузнецов и В.Ф. Мил-

⁵⁵ Богданов В. Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири // *Этнографическое обозрение*. 1911. № 1-2. С. 275-278.

⁵⁶ Трубецкой Н.С. V. I. Mansikka: Das Lied von Ogoi und Novatitsa. «Finnisch-Ugrische Forschungen» // *Этнографическое обозрение*. 1907. № 3. С. 124-125.

⁵⁷ Из истории сношения финнов с индо-европейцами // *Этнографическое обозрение*. 1906. № 1-2. С. 169.

⁵⁸ Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005. P. 33.

⁵⁹ Трубецкой. *Европа и человечество*. С. 60-61; Глебов. «Европа и человечество» Н.С. Трубецкого и евразийский антиреволюционизм. С. 56.

лер (имеются в виду работы Кузнецова о финно-угорских народах и труды Миллера о кавказских народах). При этом надо, однако, подчеркнуть, что и Кузнецов, и Миллер были членами ОЛЕАЭ и имели общие интересы⁶⁰.

В статье Кузнецова от 1905 года «К вопросу о Биармии», опубликованной в *Этнографическом обозрении* одновременно с первой статьей Трубецкого, была сделана попытка показать, что между этническими группами Северной Европы и Центральной Азии существовали культурные взаимосвязи. Согласно статье Кузнецова, этническая культура Биармии (сейчас это территория на севере России) сформировалась не только вследствие контактов с народами Северной Европы (с которыми велась торговля), но и благодаря влиянию азиатских народностей России, культурному взаимообмену, например, с коренными народностями, проживающими у берегов Северной Двины, а также коми и поволжскими финнами⁶¹.

Трубецкой в своем эссе, написанном в память о Кузнецове после его смерти, говорит, что этот ученый не только привил ему интерес к финно-угорским и сибирским народам, но и показал важность «реализма в этнографии». Реализм в этнографии означает наблюдение за самой жизнью племен, а именно за особенностями их повседневной жизни. Более того, Трубецкой упоминает преодоление этноцентризма, правильное использование макроскопического и микроскопического, и важность сравнительного анализа и перспективы⁶².

4. Всеволод Федорович Миллер (1848–1913)

Всеволод Федорович Миллер интересовался разными мировыми культурами, и его главным исследовательским методом был сравнительный анализ⁶³. Он изучал взаимоотношения и образ жизни различных этнических групп. Он сравнивал не только соседствующие друг с другом народности, но также и племена, разделенные большими расстояниями. Его методы оказали большое влияние на ОЛЕАЭ во время исследования многочисленных и разнообразных этнических групп, в том числе австралийских и африканских. Еще одним важным исследовательским принципом для Миллера была междисциплинарность, к примеру, сочетание этнографических и лингвистических методов⁶⁴.

⁶⁰ Глебов. «Европа и человечество» Н.С. Трубецкого и евразийский антиреволюционизм; Либерман А. Н.С. Трубецкой и его труды об истории и политике // Н.С. Трубецкой, Наследие Чингисхана и другие эссе о российской идентичности / Ред. Либерман А. Ann Arbor, 1991. С. 299-300.

⁶¹ Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии // *Этнографическое обозрение*. 1905. № 2-3. С. 1-95.

⁶² Трубецкой Н.С. Стефан Кирович Кузнецов // *Этнографическое обозрение*. 1913. № 1-2. С. 325-331.

⁶³ Максимов А. Научные методы В.Ф. Миллера // *Этнографическое обозрение*. 1913. № 3-4. С. 39-42.

⁶⁴ Там же. С. 43.

Миллер посвятил большую часть своего времени изучению культурных и исторических взаимоотношений народов Российской империи, Азии и Европы⁶⁵. К примеру, он построил доверительные отношения с осетинами и потому сумел подробно изучить их обычаи⁶⁶. В своем эссе, посвященном памяти Миллера, Трубецкой отмечает, что поскольку Миллер играл столь важную роль в ОЛЕАЭ и среди московских этнографов, он помог провести самые важные исследования ОЛЕАЭ, подробно изучающие культурные и исторические связи русских и других народностей⁶⁷.

Что касается отдельных исследований, у Миллера были две ключевые темы для изучения. Во-первых, он полагал, что Кавказ был своего рода проводником между Востоком и Западом. Он анализировал культурные, языковые и исторические связи Кавказа с соседями. В своем сравнительном исследовании фольклора он обнаружил параллельное развитие русских и кавказских мифов и показал, как Кавказ помог процессу культурной трансмиссии между Киевской Русью и иранскими народами⁶⁸.

Во-вторых, он изучал древний русский эпос – былины. Миллер полагал, что они возникли на севере и повлияли на новгородскую культуру. В своем анализе былин Якутии он описывал разнообразные версии этих поэм в разных регионах России, а также изучал их географическое распространение⁶⁹. Вполне вероятно, что Миллер повлиял на Трубецкого, поскольку тот, как и его наставник, часто использовал эпос и народные песни в качестве исследовательского материала.

Будучи специалистом по индоиранской литературе и фольклору, Миллер изучал культурное влияние Востока на Запад с помощью русского фольклора⁷⁰. Что касается народных песен, то он показал, что между ними существуют не только различия, но и сходства⁷¹. Рассуждая об украинской музыке и искусстве, он показал, что на украинцев повлияли крымские татары⁷².

И хотя Стефан Кирович Кузнецов и Всеволод Федорович Миллер занимались исследованиями в самых разных областях, они регулярно возвращались к трем (ранее упомянутым) идеям, которые затем перенял и Трубецкой: (1) конвергенция/параллельное развитие; (2) промежуточные транснациональные звенья через

⁶⁵ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер как председатель этнографического отдела // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4. С. 25.

⁶⁶ Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. P. 165

⁶⁷ Богданов В.В. Всеволод Федорович Миллер краткий очерк его жизни // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4. С. XI.

⁶⁸ Миллер Вс.Ф. Кавказское языкознание и вопросы исторической этнографии передней Азии // Этнографическое обозрение. 1906. № 3-4. С. 1-15; Васильев Н. Вс. Ф. Миллер как исследователь народной словесности // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4. С. 72. 76.

⁶⁹ Васильев. Вс. Ф. Миллер как исследователь народной словесности. С. 82.

⁷⁰ Там же. С. 71.

⁷¹ Анучин Д.Н. Памяти В.Ф. Миллера // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4. С. 125.

⁷² Маслова А.Л. Древнейшие черты в украинских народных песнях // Этнографическое обозрение. 1913. № 3-4. С. 61.

посредников (3) многонаправленные влияния. Эти идеи, возможно, стали основой, на которой позднее, в годы изгнания, сформировалась евразийская концепция Трубецкого.

Заключение

1905 год стал поворотным в развитии российской этнографии. В это время возникли новые учения и философские веяния: изменились взгляды российских мыслителей на сибирские народы; исследователи на факультете востоковедения Санкт-Петербургского университета и Императорской академии наук отказались от жесткого деления на «Восток» и «Запад», помимо этого в Москве развивалась так называемая «либеральная антропология»⁷³. Неудивительно, что критика империализма и пересмотр устоявшихся взглядов отразились и в социально-политических обстоятельствах того времени, таких как революция 1905 года. Например, в 1905 и 1906 годах многие ограничения свободы слова и прессы были сняты, что стало плодотворной почвой для развития идей интеллигенции⁷⁴. Споры Трубецкого и его коллег можно изучать в этом широком контексте, но они были лишь одним из многих новых интеллектуальных течений, возникших в то время. Поэтому требуется провести более подробный сравнительный анализ этих идей с постулатами других российских ученых того времени. Будущие исследования можно посвятить более подробному изучению ОЛЕАЭ, изучить, как менялись взгляды, какие были различия и несогласия среди членов организации.

Перевод Полины Рассоловой-Карагезян

⁷³ Тольц В. Собственный Восток России. *Russia's Own Orient*; Slezkine Y. *Russia's Small Peoples: The Policies and Attitudes towards the Native Northerners, Seventeenth Century-1938* (Ph.D Dissertation, The University of Texas, 1989), P. 204-218; Slezkine Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, 1994. P. 97; Mogilner. *Russian Physical Anthropology*. P. 155-189.

⁷⁴ Burbank. *Intelligentsia and Revolution*. P. 9.